

каждый народ, каждая нация,— все равно — большая или малая, вносит «в общую сокровищницу мировой культуры»<sup>2</sup>. Надо только очень внимательно анализировать старое, проявлять большое политическое чутье в отборе того, что ценно и что ненужно, но без исторической перспективы глубоко познать быт народа нельзя. Народ не отказывается от своей прежней культуры — он перестраивает ее, создает много нового, но в то же время сохраняет и старое, что ценно и дорого ему как его национальная специфика, которая исчезнет только в отдаленном будущем, в период полного господства коммунизма на всем земном шаре.

Таковы некоторые соображения по затронутому вопросу, которые частично вносят добавления, а в большинстве развивают положения статьи П. И. Кушнера. В заключение еще раз отметим, что вопросом, поднятым нашим ведущим журналом, необходимо заняться весьма серьезно. Необходимо быстро и в то же время достаточно глубоко разработать методику этнографического изучения колхозного крестьянства, как можно скорее начать правильно организованные исследования социалистического быта советской деревни, быстро строящегося во всех уголках необъятного Советского Союза, у всех его многочисленных свободных народов.

Н. А. КИСЛЯКОВ

## К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КОЛХОЗОВ

В своей статье «Об этнографическом изучении колхозного крестьянства» П. И. Кушнер отмечает, что все те работы, которые были написаны за последние годы по вопросу изучения культуры и быта колхозников, не удовлетворяют ни специалистов, ни широкие массы читателей, и в то же время показывают, что наши советские этнографы не нашли еще методов и путей изучения колхозного крестьянства, а также не сумели определить ту специфику, которая подлежит этнографическому изучению в советской деревне.

Основных недостатков, которыми объясняется указанная неудача, автор намечает три. Эти недостатки вкратце сводятся к следующему: 1) сроки пребывания этнографа в поле явно недостаточны; 2) этнограф, задавшийся целью изучить колхоз монографически, наряду с изучением культуры и быта колхозного крестьянства занимается также исследованием производственных и экономических процессов, что не является спецификой этнографического изучения; 3) объектом монографического изучения для этнографа должно являться село, а не колхоз.

Первое из этих трех положений безусловно правильно. При изучении того или другого объекта наездом, хотя бы и в течение двух-трех лет, без достаточно глубокого проникновения в жизнь колхозного крестьянства, без длительного наблюдения и осмысления происходящих в быту колхозника процессов, трудно, да, пожалуй, невозможно дать настоящее исследование, посвященное быту и культуре колхозного крестьянства. Всякий этнограф, бывавший длительно в поле, хорошо знает, что полевая работа логически подразделяется на две части, на два периода.

Первый из них состоит обычно в сборе материалов, основанном на усиленных расспросах, которые группируются этнографом в соответ-

<sup>2</sup> Речь товарища И. В. Сталина на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации, «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

тви с имеющейся у него программой; при этом расспросным путем собирается как материал по внешнему быту (описание одежды, жилища и т. д.), так и по вопросам, связанным с внутренним бытом (отношения в семье, общественные отношения, религия и культ и пр.). В зависимости от опытности собирателя, его знакомства с краем и бытом населения, иногда участия в работе нескольких человек, такой расспросный материал может быть собран более или менее быстро, в течение нескольких недель, иногда двух-трех месяцев. Непосредственные наблюдения в этот период, хотя и играют некоторую роль, но они занимают подчиненное, второстепенное положение.

Однако этот период полевой работы, позволяющий ознакомиться часто со всеми вопросами, предусмотренными программой, не дает еще этнографу возможности глубокого проникновения во внутренний быт, во взаимоотношения между членами семьи или членами того или другого коллектива. Наступает второй период, период наблюдения, в большинстве случаев требующий непосредственного вхождения этнографа в изучаемый коллектив, в семью и обусловленный длительным проживанием исследователя на месте. Только в результате такого наблюдения, длительной жизни среди изучаемого коллектива возможно глубокое знакомство с бытом населения, с его культурой, с теми общественными процессами и сдвигами, которые происходят в этом коллективе.

Несмотря на то, что среди советских этнографов имеется немало крупнейших специалистов по этнографии отдельных народов, хорошо знакомых с бытом этих последних, колхозная тематика, специфика быта колхозного крестьянства требует затраты большого количества времени на их изучение. Сроки же, обычно предусматриваемые для этого, оказываются явно недостаточными.

Соглашаясь, таким образом, с первым из трех указанных положений П. И. Кушнера и оставляя временно в стороне второе из этих положений, мы самым решительным образом выражаем свое несогласие с третьим из них. Видеть корень зла в том, что объектом изучения является колхоз, а не село, вряд ли правильно. Здесь следует указать на то обстоятельство, что территориально сплошь да рядом колхоз сливается с селом и весь быт (равно как и экономика) села есть в то же время и быт колхоза.

Неправильно, что колхоз является только хозяйственной организацией. Все те формы культурного обслуживания, о которых говорит автор, а именно, школа, изба-читальня, радио, кино и т. п., имеются в каждом колхозе; колхоз проводит общественную работу среди своих членов; наконец, в колхозах создаются и свои колхозные партийные организации. Таким образом, колхоз является не только производственным, но и общественно-политическим коллективом, и противопоставлять его селу, деревне неправильно. Правда, неправильно было бы впадать в другую крайность, совершенно игнорировать село, но нам кажется, по такому игнорированию и не наблюдается. Так, например, при изучении таджикского колхоза под Ленинабадом (здесь на территории одного селения имеются два колхоза) нами подробно записывалась история селения в целом, а также была проведена работа по ознакомлению с деятельностью сельского совета.

Наконец, следует отметить, что в нашей стране с каждым годом увеличивается число колхозных поселков, вырастающих на новых, вновь выделенных (орошенных) землях, в которых грань между колхозом и селом окончательно стирается.

Таким образом, объяснение имеющихся налицо неудач в изучении этнографии колхозного крестьянства тем, что объектом этого изучения был колхоз, а не село, представляется нам беспредметным.

Вернемся теперь ко второму положению автора, а именно к вопросу о том, какие стороны жизни следует изучать. Это положение из

всех трех нам представляется наиболее дискуссионным. Автор безусловно прав в том отношении, что экономика, агрономия, скажем от себя, и архитектура, а также целый ряд других отраслей не являются специальностью этнографа и последнему плохо удаются занятия этими отраслями. Однако, с другой стороны, мы не можем не вспомнить, что крупнейшие дореволюционные этнографы, на которых ссылается и наш автор, например, Тан-Богораз, Штернберг, Серошевский и другие, в своих монографиях по отдельным народам или областям оставили нам великолепные образцы подробных описаний производственной деятельности, архитектуры, наконец, экономики (правда, не владея марксистской методологией, они не могли дать правильного анализа изучаемых явлений) изучаемых ими народов. Вряд ли кого-либо из нас удовлетворило бы описание В. Г. Богоразом чукок, если бы в нем отсутствовала детальная характеристика оленного хозяйства, производственных процессов, орудий производства.

В чем же тут дело? Мы думаем, что дело заключается в том, что если старые этнографы сталкивались с примитивным производством, с примитивными зоо-агрономическими навыками, с примитивной экономикой, с примитивной архитектурой, то советский этнограф сталкивается с весьма усложнившимися явлениями, ставшими объектом изучения отдельных отраслей науки — экономики, агрономии, архитектуры, технических отраслей и т. п.

Это одна сторона вопроса. Другая же заключается в том, что, если в дореволюционное время в экономике господствовали стихийные процессы, а примитивные орудия труда веками сохраняли своеобразие, обусловленное историческими особенностями жизни того или другого народа, то наша советская экономика, наше советское хозяйство подчинены планированию, а на колхозных полях применяются тракторы и сельскохозяйственные машины, изготовляемые массами на заводах и направляемые в различные концы Советского Союза.

Спрашивается, в силу всего сказанного, должны ли мы отказаться от составления монографий, освещающих быт, культуру и хозяйственную жизнь колхозного крестьянства? Думается, что не должны. Однако, к этой работе следует привлекать помимо этнографов также и других специалистов — агрономов, экономистов, архитекторов. Ведь никому не кажется странным, например, то обстоятельство, что наши знаменитые географы и естествоиспытатели П. П. Семенов-Тяньшанский, Н. А. Северцев, А. П. Федченко во время своих экспедиций собирали материал по различным отраслям знаний, вплоть до статистики и этнографии, а теперь, с усложнением науки, посылаются комплексные экспедиции, имеющие в своем составе географов, геологов, ботаников, зоологов и других специалистов.

С другой стороны, Союз наш так велик и многообразен, природные условия, формы хозяйства, национальные особенности советских народов настолько разнообразны, что нам нечего бояться повторений; если в Средней Азии и, скажем, в Сибири применяется трактор и культиватор, то это не значит, что наши монографии будут похожи одна на другую.

Таким образом, написание монографий по отдельным колхозам или группам колхозов по народам Советского Союза дело вполне возможное и выполнимое. Для этого не жаль потратить побольше времени и труда. К этому делу нужно привлекать и работников других специальностей, оставив за этнографом как непосредственное изучение культуры и быта, так и общее руководство всей работой. Вместе с тем не следует впадать в другую крайность и выбирать объекты для изучения, исходя только из высоких производственных показателей или только сообразуясь с тем, что сельскохозяйственные работы в колхозе на сто процентов механизированы, как это нередко имело место в прак-

пике этнографов за последние годы. При выборе объекта следует руководствоваться тем, насколько в том или другом колхозе велики сдвиги в области быта, культуры и идеологии нашего социалистического крестьянства, что в первую очередь и должно интересовать этнографа.

О. Н. ВОЗДВИЖЕНСКАЯ и Л. П. ЛАШУК

## О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Дискуссия по вопросам этнографического изучения колхозного крестьянства, открывшаяся на страницах «Советской этнографии», должна не только обобщить опыт нашей текущей работы и вскрыть ее недостатки, но и наметить новые пути ее развития. Основная задача дискуссии — выработка совместными усилиями четкой и правильной методологии и методики этнографических исследований в этой области.

Мы целиком согласны с мнением П. И. Кушнера и других товарищей, что серьезные недостатки в изучении колхозного крестьянства заключаются прежде всего в одностороннем, а подчас и неправильном подходе к изучаемому предмету, в чрезмерном увлечении «экономизмом» и производственным бытом и забвении основного принципа этнографической науки — исторического изучения народной жизни в ее культурно-бытовых проявлениях. Поскольку «культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества»<sup>1</sup>, советские этнографы призваны изучать и описывать те коренные изменения, которые произошли в культуре и быте колхозного крестьянства в период построения социалистического общества и которые совершаются на наших глазах сейчас, в период построения коммунизма. Кроме того, поскольку в современных советских условиях национальные культурно-бытовые особенности народов не только не отмирают, а продолжают развиваться дальше, особо важное значение для этнографов приобретает также внимательное изучение процесса роста национальных культур, развития их национальных форм в условиях социалистического общества.

Однако, задачи этнографического изучения колхозного крестьянства этим не исчерпываются. На основе политико-экономической сплоченности и братского содружества между социалистическими народностями и нациями происходит культурный взаимообмен, который заметно изменяет лицо каждой народности и нации. Особенно интенсивно происходит обогащение национальных культур за счет проникновения в них русского языка и культуры. В частности, развитие культуры и быта народа коми, равно как и ряда других народов Приуралья, Поволжья и Прибалтики, происходит под мощным воздействием передовой русской культуры. Исследовать этот процесс — прямая задача этнографов.

Н. Н. Чебоксаров сформулировал и еще одну, не менее важную задачу этнографического исследования, заключающуюся в том, что «у многих народов, живущих по близости, наблюдается ряд особенностей, не стоящих в связи с их этническими традициями, а характерных для большой историко-географической области, например, для Советского крайнего севера или для хлопководческих районов Средней Азии. Выявление этих зональных особенностей и их соотношения с особенно-

<sup>1</sup> И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 21.